

“ЕГО ВПОЛНЕ ДОПУСТИМО СРАВНИТЬ С ЛЕРМОНТОВЫМ...”

Осенью 2014 года ко мне в дом привезли архив Сергея Александровича Поделкова. Довольно большой архив, некоторые папки хранились в лоджии и были запорошены пылью и песком, какие-то бумаги, письма хранились без всякой упаковки и были запущены, заломлены. Много газет, фотографии, подготовка сборников стихов, вырезки из газет, подготовительный материал к стихам... Архив я сдала в РГАЛИ. “23.12.2015 г. (протокол ЭПК РГАЛИ № 88) состоялось заседание экспертно-проверочной комиссии, на котором было принято решение о создании в нашем архиве личного фонда № 3493 “Поделков Сергей Александрович (1912–2001) — поэт”. Часть архива С. А. Поделкова я задержала, чтобы лучше с ним ознакомиться, — это бумаги, связанные с именем Павла Васильева).

Текст этой записи повторен мной с экземпляра А. С. Ипольнова.

С. Гронская

Александр Сергеевич Ипольнов родился в 1947 году. Учился в Полиграфическом институте, затем перешёл в Литературный институт им. М. Горького, окончил его с отличием. Первая книга “Мёд великанов” издана в 1981 году. Параллельно с литературной работой он читал лекции по русской и всемирной поэзии в Педагогическом институте им. Н. К. Крупской. Член Союза писателей СССР. Погиб в декабре 1993 года “при невыясненных обстоятельствах”. Через год ему была присуждена премия им. Андрея Платонова. “Поэт успел сказать далеко не всё, что мог, но тому, что им сказано, суждена долгая жизнь”, — так сказал о нём поэт С. Золотцев.

А. С. Ипольнов унаследовал любовь к поэзии Павла Николаевича Васильева и трепетное отношение к его судьбе от своего отца, С. А. Поделкова. У него было несколько встреч с людьми, дружившими с поэтом или знавшими его. Этот материал должен был войти в его диссертацию о Павле Васильеве. Одна из таких встреч состоялась с Николаем Алексеевичем Минхом, сохранившим в опасные времена два автографа поэта.

Минх Николай Алексеевич (1899–1985) — специалист по эфирно-масличным культурам. Автор воспоминаний о Н. А. Клюеве.

Разговор А. С. Ипольнова с Н. А. Минхом (13 декабря 1983)

А. И.: Николай Алексеевич, сначала скажите, пожалуйста, о том, как вы познакомились с Павлом Васильевым и какое впечатление он на вас производил. Как я понял, вы не были его близким другом?

Н. М.: Да, я не был его близким другом.

А. И.: И тем не менее, как вы сейчас мне сказали, он на вас производил впечатление человека достаточно доброго и вовсе не с тяжёлым характером?

Н. М.: Нет, такого я никак не могу сказать...

А. И.: Значит, то, что у него с моим отцом не было конфликтов, одной дружбой объяснить нельзя?

Н. М.: Конечно.

А. И.: Значит, он сам по себе был не так плох?

Н. М.: Нет, на меня он производил впечатление такое: хороший, простой человек. И с теми, к кому он хорошо относился, он был очень искренен. Вот у него не то, что дружба, а у него были очень хорошие отношения с моим большим другом – с художником Егоровым¹. Они были в очень хороших отношениях. Паша считал Михаила Дмитриевича просто гениальным человеком, и надо сказать, что Егоров тоже считал Пашу очень талантливым. Так же, как и Клюев. Клюев говорил: “Этот тигрёнок себя ещё покажет”. Я познакомился с Пашей у себя дома. Я жил тогда на Ленинградском шоссе.

Как-то раз прихожу домой, это было вскоре после моего знакомства с Клюевым, когда Клюев жил у меня в 1929–1930 году. Я прихожу домой с работы, а тогда приехал из Саратова Егоров. Егоров сидит, Клюев сидит, Паша и Клычков. Тут меня с ним и познакомили. И с первого же часа у нас установились с ним добрые отношения. Мы стали сразу на “ты”, “Коля”, “Паша”. Ну, а с Клычковым так и осталось “Сергей Антонович”.

А. И.: Ну да, Клычков ведь был старше вас...

Н. М.: Да.

А. И.: Я рад, что моя догадка о характере Васильева получила ещё одно доказательство того, что он не только с друзьями был хорошим и добрым. У меня складывается такое впечатление издали, по чужим рассказам, что он был другом, скорей, внимательным и даже нежным, чем каким-то бесцеремонным хамом, каким его пытаются изобразить.

Н. М.: Безусловно.

А. И.: Отец мне рассказывал, например, о такой детали: тогда ещё начинающий поэт Дрёмов² встретился Павлу Васильеву в одной из редакций, и тот тут же, на подоконнике или на чужом столе стал ему править стихи, чтобы он уже в выправленном виде их отдал редактору, хотя – что ему был начинающий поэт?! И, не унижая, очень внимательно, чутко всё выправил, помог. Поступить так, конечно, не мог человек, склонный от природы или из-за воспитания к хамству.

Н. М.: Да, конечно.

А. И.: А вот его биограф П. Косенко постоянно повторяет: “Павел Васильев не был ангелом...”, возмущается кем-то, кто якобы пририсовывает ему ангельские крылышки, а во втором издании своей книги о Павле Васильеве даже хвалит Ал. Михайлова за то, что тот “не скрывает тёмного и уродливого” в его биографии³. Мне кажется, он попросту несправедлив, настолько это всё не похоже на то, что приходилось слышать мне. Ну, а что касается случая, рассказанного Коваленковым о собачке, которую он якобы выбросил в окно... Вы знаете?

Н. М.: Нет, я не знаю.

А. И.: Подобный случай, действительно, был, но Павел Васильев не имел к нему ни малейшего отношения. Это сделал поэт Сергей Алымов, когда был в гостях у актёра А. Дикого, а Коваленков приписал это Павлу Васильеву⁴. То, что это сделал именно С. Алымов и именно у актёра А. Дикого, рассказывал моему отцу Михаил Светлов. Он был свидетелем этого случая. А Косенко берёт это на веру и даже замечает, что поступок этот малопохвальный.

Н. М.: Паша не станет такие вещи делать.

А. И.: Судя по его стихам, он с нежностью относился к животным...

Н. М.: Да.

А. И.: То есть вы считаете, что это просто не в его характере?

Н. М.: Нет, это не в его духе.

А. И.: То есть это был заведомый обман читателей, которые ничего не знали и не могли знать?

Н. М.: По-моему, да. Не такой был человек Паша. Наоборот, он был очень добрый человек. Он относился к животным хорошо. Я видел это, это не такой человек, чтобы собаку выкидывать в окошко, не будет он этим делом заниматься.

Иван Дрёмов жив или нет?

А. И.: Жив. Недавно он перенёс инфаркт, но вот вернулся домой.

Н. М.: Может быть, я путаю, давно ведь это было, но, по-моему, это он мне говорил... Я с ним очень мало был знаком, но как будто он мне сказал, что Паша был арестован в тот день, когда у меня ночевал.

Он поздно вечером пришёл ко мне, спрашивает: “Миша приехал из Саратова?” Я говорю: “Нет”. Ну, посидели, выпили, закусили.

“Знаешь, – говорит, – я куда не пойду. Можно у тебя переночевать?”

Я говорю: “Конечно, ночуй”. Он у меня переночевал. Утром мы с ним встали... Это был, по-моему... какой-то нерабочий день, напильсь чаю, и он пошёл... Сказал, что куда-то ему... надо идти.

Часа через три-четыре я с ним встретился на Кузнецком мосту – угол Кузнецкого моста и Петровки. Он шёл с какой-то очень красивой женщиной. Он её оставил на минуточку, подбежал ко мне и говорит: “Коля, у тебя деньги есть?” Я говорю: “Есть”. – Дай мне, пожалуйста. Надо её в ресторан вести, а у меня гроши с собой...” Ну, то, что у меня с собой было, я ему дал, он: “Спасибо!” Пожал мне руку. И будто бы в тот же день он был арестован вечером... Это была моя последняя с ним встреча.

А. И.: Но это было не тогда, когда он написал у вас эти два стихотворения – “Прощание с друзьями” и “Я полон нежности к мужичьему сну...”?

Н. М.: Нет, это было написано у меня раньше. Это лежало у меня. Я ему не раз даже говорил: “Что ты не возьмёшь их? – Да, возьму, возьму, – говорит, – когда-нибудь...”

А. И.: Вот что я ещё хотел спросить. П. Косенко, который Павла Васильева не знал, утверждает, что он был очень похож на Сергея Есенина и гордился этим сходством. Ни один человек из тех, кто знал его, мне этого не сказал. Более того, один человек сказал мне, что это чушь.

Н. М.: Это, конечно, неправда, он не был на него похож, и не гордился... И никогда об этом не говорил. Он сам был интересный человек – этого у него нельзя было отнять. Я помню, у Паши шевелюра была очень богатая, так Егоров всё его по голове гладил и говорил: “Какие, Паша, у тебя волосы жёсткие, ты очень твёрдый, – говорит, – человек...”

А. И.: Он был рыжеватый? У него волосы были цвета красной меди, судя по его дочери?

Н. М.: Да, да.

А. И.: А при этом кудри... И, значит, он восхищался как художник его волосами?

Н. М.: Как художник, да. И ещё он говорил: “Когда я буду писать одного персонажа, я с тебя буду списывать”. У Паши такая высокая причёска была, и он (Егоров) всё давил его волосы, а они у него пружинили...

А. И.: Он вам что-нибудь говорил о своём казацком происхождении?

Н. М.: Нет. Он говорил вскользь о том, что отец его учитель...

А. И.: Преподаватель математики. А вы никогда за Павлом Николаевичем не замечали склонности к математике?

Н. М.: Нет.

А. И.: Опять-таки его биограф Косенко пишет, что нередко он, садясь писать стихи, вместо этого покрывал лист бумаги формулами, то есть кровь учителя математики брала своё. Этого вы никогда не видели?

Н. М.: Никогда не замечал.

А. И.: Но в вашем присутствии он работал, во всяком случае, написал те два стихотворения?

Н. М.: Он скажет, бывало: “Дай-ка мне бумажки, я напишу...”

А. И.: Значит, он много раз писал при вас?

Н. М.: Да, несколько раз.

А. И.: А вы его наблюдали, или он просил выйти?

Н. М.: Нет, я тут валялся, что-нибудь читал.

А. И.: Его даже не стесняло присутствие другого человека?

Н. М.: Нет.

А. И.: Он очень уходил при этом в себя? Ничего не замечал?

Н. М.: Да, ничего. А напишет, бывало, и говорит: “Ну, давай... слушай”. Ещё он меня заставлял, они вместе с Ключевым меня всё заставляли читать им Цезаря и Овидия.

А. И.: По-латыни?

Н. М.: Да, по-латыни. Я довольно хорошо знал латинский язык, потому

что окончил классическую гимназию. Теперь уж я это всё перезабыл, и то вам сейчас прочту, что хотите.

А. И.: Я понимаю: тогда это было просто чем-то само собой разумеющимся...

Н. М.: Их очень поражал стиль этого самого “De Bello Gallico”. Они тогда всё говорили: “Вот, Пушкин так “Капитанскую дочку” писал, даже лучше...” И стихи Вергилия и Овидия они тоже заставляли меня читать... Не понимаю их... но они вот что делали. Иногда Паша говорил: “Ну-ка, дай-ка это...” Тогда ведь были всякие “ключи” и всевозможные переводы... И Паша в русском переводе читал “Записки о галльской войне”.

А. И.: А Клюев знал французский язык?

Н. М.: Нет.

А. И.: А Павел Васильев хотя бы немного, но знал?

Н. М.: Нет, по-моему, они его совершенно не знали.

А. И.: Я так думаю, потому что у него в поэме “Принц Фома” есть вкрапления французской речи и оперирует он французскими словами довольно свободно. Из чего я понял, что от матери он всё-таки набрался французского языка – его мать ведь тоже окончила гимназию.

Н. М.: Не знаю, на меня они не производили такое впечатление. Кто-то говорил о том, что Клюев будто бы знал немецкий язык...

А. И.: Это написал Георгий Иванов в своих мемуарах⁵. Когда он пришёл к Клею, то увидел его “при воротничке и галстук”, читавшего в подлиннике Гейне. Заметив удивлённый взгляд Г. Иванова, Клею сказал ему: “Маракую малость по-басурманскому. Маракую малость. Только не лежит душа. Наши соловьи голосистой, ох, голосистой”. Иными словами, он говорит, что Клею скорее прикидывался мужичком из народа, чем был им на самом деле.

Н. М.: Он был артист до известной степени, это безусловно, но что он именно прикидывался, этого я не могу сказать. Нет, он был совершенно естественен, так привык, видимо, в этих сапогах своих, в рубашке, в брюках не навывпуск... Николай Алексеевич такой и был. И он не то чтобы гордился этим или рисовался, нет. Игры у Николая Алексеевича не чувствовалось, он был совершенно естественным. К тому же и привычка – он ведь привык, с детства так одевался.

А. И.: А как вы считаете, какой была степень влияния Клею на Павла Васильева?

Н. М.: В отношении чего? В отношении его поэтического творчества или как человека?

А. И.: Как человека на человека, потому что его поэтическое влияние Павел Васильев, силой своего таланта, перемолол настолько, что там абсолютно ничего нет от Клею.

Н. М.: Да.

А. И.: Вот его “Тройка” списана с клеювской “Тройки”⁶, но их даже сравнить нельзя. Они не похожи – только тема общая.

Н. М.: Паша мне сказал: “Тройку”, – говорит, – я написал не в пику; Кутя свою “Тройку” писал, а я – свою”.

А. И.: О! Как здорово! Вы знаете, у меня была такая догадка! Есть мнение, что “Тройка” написана под влиянием Клею, а когда я прочёл оба стихотворения, у меня возникла мысль, что он решил Клею показать, как он сам обрабатывает эту тему или даже как надо обрабатывать эту тему.

Н. М.: Это, конечно, правильно.

А. И.: Да?

Н. М.: Да.

А. И.: Прекрасно! Я очень рад, что вы подтвердили мою догадку, потому что я дошёл до этого, как Холмс, “методом дедукции”, и у меня не было никаких фактов. И я очень рад, что вы это подтверждаете...

Н. М.: Безусловно, только так.

А. И.: А в жизни влиял ли Клею на Павла Васильева?

Н. М.: Паша был слишком сильная натура сам по себе, чтобы на него можно было как-то влиять. Даже, может быть, он как личность, которая может влиять на людей, он выше ставил Егорова. Если он к Клею относился несколько, может быть, по-панибратски, то в его отношении к Егорову этого совершенно не было.

А. И.: Кажется, мне понятно, в чём тут дело, и любопытно, насколько вы

это подтвердите или опровергнете. Может быть, как представитель смежного искусства Егоров имел на него влияние, потому что не мог быть с ним на равных, так как представляли они разные искусства. А здесь уже нечто совершенно иное. Такие же отношения были у Есенина с Конёнковым. Есенин был человеком гордым, самолюбивым, а Конёнков его совершенно подавлял, когда критиковал его стихи, причём яростно. А Есенин покорно всё выслушивал. Все удивлялись. Может быть, здесь что-то подобное?

Н. М.: Может быть, да.

А. И.: Николай Алексеевич, очень много существует спекуляций на якобы или действительно имевших место (в жизни Павла Васильева) скандалах, дебошах и пьянстве. Поэт Михаил Скуратов⁷ сказал мне вот такую любопытную вещь, что, по его наблюдениям, а он дружил с Павлом Васильевым, причём их особенно сближало здесь, в Москве, то, что они оба сибиряки и их когда-то отметил Антон Сорокин, которого старшее поколение сибирских писателей очень почитает. Так вот, по его мнению, пить спиртное и быть пьяным ему, Павлу Васильеву, не доставляло особого удовольствия. Он сказал: “Мне кажется, он делал над собой даже некоторое насилие, просто ему хотелось быть похожим на Есенина”. У вас не было такого впечатления?

Н. М.: Нет, наоборот. Всегда, когда мы встречались, — а большей частью мы встречались у меня, — Паша с удовольствием пил. Он всегда хвалил: “Вот это водка!” Я ещё делал всякие настойки, и он этим всегда восхищался: “Молодец ты, ты бы этого самого...” Как его, водочный король был?

А. И.: Смирнов?⁸

Н. М.: Смирнов, да... “Ты бы, — говорит, — Смирнова за пояс заткнул”.

А. И.: Да, Смирнов до сих пор — фирма, во всяком случае — процветает...

Н. М.: Когда я в Париже был... По-моему, это на Итальянском бульваре, недалеко от Гранд Опера, был магазин “Смирновская водка”.

А. И.: Значит, Павел Васильев ещё помнил Смирнова?

А. И.: А кофе он пил, когда писал?

Н. М.: Кофе? Нет.

А. И.: А крепкий чай?

Н. М.: Крепкий чай он любил.

А. И.: Именно вот когда писал?

Н. М.: Нет, не тогда, когда писал. Не тогда, когда он у меня записывал все эти вещи. Вообще он любил чаю выпить. После водки и хорошей закуски он это любил.

А. И.: Но в качестве стимулятора он крепкий чай не употреблял?

Н. М.: Нет. Я не знаю, как было, когда он дома этим делом занимался, но у меня... Он случайно так сел и написал.

А. И.: То есть ему одного вдохновения было достаточно?

Н. М.: Да, да.

А. И.: Ну, конечно, если случайно пишутся такие шедевры, как “Прощание с друзьями”, то... Сказать просто нечего.

Н. М.: Да, он сел как-то вечером и написал... Никого не было... Клюева не было, Егоров был в Саратове тогда... Паша вот и написал “Прощание с друзьями”...

А. И.: Видно, что он очень спешил, что рука его поспевала за мыслью. Некоторые слова у него не дописаны и можно только угадать...

Н. М.: Ну, раз вы сами этим дело занимаетесь, вы, наверно, и по себе это знаете... Я тоже, когда пишу, так тоже не дописываю... А потом, понимаете, не разберёшь, что ты тут хотел сказать...

А. И.: Ну, с прозой, конечно, сложнее, чем со стихами. Тут все укладывается в ритм, тут догадаться легче...

Н. М.: Легче, да.

А. И.: Ещё, Николай Алексеевич, я хотел вас расспросить о том случае... Да, да, про баритона Головина⁹... Можно ли это назвать поступком злого человека?

Н. М.: Нет.

А. И.: При желании можно. Он, Павел Васильев, был, скорее, просто обижен.

Н. М.: Да, действительно, так это и было. Паша, наверно, с час читал ему свои вещи, все мы это слушали, уже кончилась еда вся... А тот из себя корчил какого-то барина: “Нет... А что... Я... Я не в голосе.. Я не буду...” —

так это... А Павел Васильев взял скатерть, как дернул – все это и полетело к чертям...

А. И.: И он ушёл после этого?

Н. М.: Да. “Пойдём, – говорит, – нечего с этим фоном-бароном разговаривать”. Мы встали тут и ушли.

А. И.: Ну, что ж, Головин сам виноват.

Н. М.: Конечно.

А. И.: Если он просил, и ему пошли навстречу, за это, конечно, как-то надо было поблагодарить...

Н. М.: Паша ведь хорошо читал свои стихи.

А. И. А часто он при вас читал чужие стихи?

Н. М.: Я не помню такого случая, чтобы он когда-нибудь читал чужие стихи.

А. И.: Ну, а Есенина, например? Или Пушкина?

Н. М.: Пушкина иногда читал, но Есенина – нет.

А. И.: А Клюева, Клычкова? Или кого-то из других своих друзей, Забелина¹⁰, например?

Н. М.: Нет.

А. И.: Вы не помните такие стихи: “Тюрьма, тюрьма, о камень камнем бей...”? Он никогда не читал вам эти стихи? Это стихи Забелина, его друга...

Н. М.: Нет, не помню.

А. И.: Так вот, Коваленков приписал эти стихи Павлу Васильеву. С этой строчки стихи начинаются, а Коваленков написал, что это – последняя строчка, то есть он этих стихов не знал совершенно. Ладно, что о нём говорить... А часто такие случаи, как с Головиным, происходили?

Н. М.: Вот один случай только и был...

А. И.: Один... Значит, в то, что это был чуть ли не профессиональный дебошир, поверить нельзя никак?

Н. М.: Нет.

А. И.: Дело в том, что в письме, которое было опубликовано в 1935 году в “Правде” с двадцатью подписями, говорится о “систематическом хулиганстве”, несмотря на “суровое предостережение М. Горького в статье “Литературные забавы”¹¹. Вы подтвердили, что он любил выпить, но вот насчет “систематического хулиганства” было, конечно, сочинено для того, чтобы его убить...

Н. М.: Может быть... Да.

А. И. И, по-видимому, это была долгосрочная программа его убийства – три ареста.

Н. М.: Может быть... Да.

А. И.: Они, очевидно, действовали количественно: не убьют в третий раз, так убьют в четвёртый...

Н. М.: Может быть...

А. И.: Вы с ним часто бывали в гостях?

Н. М.: Нет, я с ним был в гостях вот только у Головина и один раз – у Садовой¹², такой был артист Большого театра, Анатолий Николаевич...

А. И.: И ещё я знаю один случай, когда он был у возвратившегося бывшего белогвардейца Туган-Барановского¹³, у которого был настоящий салон – у него собирались по несколько десятков человек, и Павел Васильев там рассматривал фотографии белогвардейцев и спрашивал о знаках различия, и причём... Понятно, что это был интерес чисто профессиональный – он ведь много работал над темой гражданской войны... Но находившийся при этом М. Скуратов всё время тянул его за рукав, он боялся, что среди гостей может оказаться осведомитель, который донесёт о его “пробелогвардейских настроениях”. Тогда ведь это было просто...

Н. М.: Да.

А. И.: Вы сами ведь помните, наверно, тогдашнюю критику... Как Тарасенков написал, что “внешне проклиная кулаков, П. Васильев ими, несомненно, любитесь”¹⁴?

Н. М.: Да.

А. И.: Ведь если так подходить к литературе, то любую тему можно истолковать как преступление...

Н. М.: Да, конечно.

А. И.: Почему я спрашиваю о хождении в гости. Дело в том, что некото-

рые люди утверждают, что он часто бывал в “салонах” или “салончиках” (это не мои слова, я цитирую), где хозяйками были женщины типа Элочки-Людоедки, где он скандалил, но это и создавало ему славу... Ничего похожего вы за ним никогда не замечали?

Н. М.: Никогда не замечал. Он не говорил, где бывает, чтобы он хвалился... Никогда этого (не было).

А. И.: Этого не было?

Н. М.: Не было.

А. И.: А ведь ходят-то по таким “салончикам” в поисках славы именно для того, чтобы потом самому рассказывать и чтобы другие рассказывали. Это же логично?

Н. М.: Конечно.

А. И.: А от него вы таких рассказов не слышали?

Н. М.: Нет, не слышал. Никогда он не хвалился: вот я был там-то, я был там-то. Этого никогда я не слышал от него.

А. И.: Теперь мне остановится окончательно ясно, что многие просто сводили <с ним> личные счёты. Коваленков, например, написал, что Павел Васильев выкинул из окна собаку в чьем-то чужом доме, где ему были очень рады и где ему даже преподнесли торт с вензелем “П. В.”. И вот, у П. Косенко тоже фигурируют торты с вензелями “П. В.”. Я думаю, он это просто перетачил к себе от Коваленкова... Вы ни о чём подобном не слышали?

Н. М.: Ничего не слышал.

А. И.: Скорее всего это чушь. Я думаю, Коваленков когда-нибудь увидел пасхальный кулич с буквами “Х. В.” и его осенило, что это можно использовать в мемуарах.

Н. М.: Конечно.

А. И.: Вы тоже так полагаете?

Н. М.: Возможно. Да. Паша никогда не хвалился и не говорил, что там-то он был, у таких-то был, о каких-то приёмах... Я ни разу от него не слышал.

А. И.: Какого-то повышенного самолюбия, о котором...

Н. М.: (прерывая) Да, этого у него абсолютно не было!

А. И.: Как интересно! А некоторые его характеризуют как человека с исключительным самолюбием.

Н. М.: Что он был самолюбив, это, конечно, безусловно, но что это самолюбие распространялось на то, чтобы, как только он придёт, всё внимание было бы сосредоточено на нём, – этого не замечалось совершенно.

А. И.: То есть самолюбие, скорее всего, творческое, чем бытовое?

Н. М.: Да.

А. И.: Вот это очень интересно, потому что недруги стараются представить его именно как человека самолюбивого именно в бытовом отношении, который скандалил для увеличения своей славы любыми средствами, даже самыми негодными.

Н. М.: Конечно, нет.

А. М.: Значит, вы только один раз были свидетелем того, что до некоторой степени можно назвать скандалом, и то – что это было скорее вынужденным, чем для какого-то внешнего эффекта?

Н. М.: Да.

А. И.: И вот что ещё я хотел спросить. Я опять-таки чисто умозрительно пришёл к выводу (анализируя немного, что было мне известно), что это был человек, которого характеризовала, прежде всего, повышенная энергичность.

Н. М.: Да.

А. И.: И это подтвердил знавший его Михаил Скуратов. Он сказал, что это был настоящий вулкан. Его друзья-литераторы не понимали, когда и как он успевает набираться знаний с такой скоростью. Он очень много знал, как сказал мне М. Скуратов. Я ни от кого, кроме Скуратова, не слышал об этом, но он сказал так: “Я не встречал человека, который бы лучше, чем Павел Васильев, знал и понимал Достоевского”.

Это было для меня неожиданностью. Правда, Скуратов говорил, что П. Васильев вообще очень много знал, много читал и быстро схватывал знания – буквально на лету.

Н. М.: Но ведь это способность каждого талантливой или одарённого человека, было это и у Паши.

А. И.: Но была, конечно, и отдача – он не просто усваивал.

Н. М.: Я не помню, чтобы мы с ним когда-нибудь разговаривали о Достоевском. Если разговаривали о поэтах прошлого, то о Пушкине. Перед Пушкиным Паша, конечно, преклонялся. И Клюев тоже... Как-то меньше говорилось о Лермонтове. Также говорилось о его мощи, могуществе, но особенно – о Пушкине. И Егорова они любили за это – он много знал из области, которой они не знали. Это живопись, жизнь художников, а Егоров очень много знал всяких вещей, которые характеризовали того или иного художника. И они его всегда просили: “Миша, ну-ка, расскажи ещё что-нибудь о Рубенсе... Ну-ка, расскажи о Ван Дейке что-нибудь...”

А. И.: А вы не думаете, что интерес к художникам у него, в конце концов, вылился в замысел поэмы “Христолюбовские ситцы”?

Н. М.: Нет.

А. И.: Ведь Христолюбов – настоящий художник, он только вынужден зарабатывать себе на хлеб, оформляя ситец. Связи вы тут не видите?

Н. М.: Нет, не вижу.

А. И.: Значит, это скорее автопортрет?

Н. М.: Может быть... “Христолюбовские ситцы” когда написаны?

А. И.: В 1936 году.

Н. М.: Может быть, он и припомнил такие вот вещи... У Михаила Дмитриевича Егорова очень много было таких “дней минувших анекдотов”... Сейчас многое ведь забыто, стёрлось из памяти, но вообще-то от Паши осталось впечатление как о светлом, хорошем, большом человеке.

А. И.: Но производил впечатление большой личности?

Н. М.: Да, большой, сильной... И хорошей, с открытым сердцем. Я вспоминаю его отношения с Клюевым, с Егоровым, его отношение ко мне... Я же был для него совершенно посторонний человек, с которым он сегодня встретился, а завтра может не увидеться...

А. И.: То есть заигрывать и подлизываться ради корысти ему было незачем?

Н. М.: Да. Он был уже на виду, а я – старший научный сотрудник научно-исследовательского института (больше я ничего из себя не представлял), который занимается механизацией эфирно-масличных культур или каучуконосов... Я для него был совершенно такой... не полезный человек.

А. И.: То есть заподозрить его в каких-то намерениях понравиться было никак нельзя?

Н. М.: Конечно, нет.

А. И.: Но вот М. Скуратов сказал о нём такую странную фразу, которая меня как-то резанула. Он сказал: “Вы, вероятно, очень удивитесь, мне кажется, что при известных обстоятельствах Павел мог быть очень жестоким человеком, и вот в этом смысле он мог переступить через труп родного отца”.

Н. М.: По-моему, нет.

А. И.: Мы, конечно, не знаем, каким он был бы в зрелые годы... Когда человека убивают в двадцать шесть, трудно сказать, каким он был бы в сорок. Отец сказал мне, например, что говорить, будто Павел Васильев не завершил свой путь в поэзии, не стоит, потому что он неоднократно говорил ему: “После тридцати перейду на прозу”.

Н. М.: Да.

А. И.: Вам он тоже говорил это?

Н. М.: Да.

А. И.: Но у меня есть два возражения. Во-первых, ещё неизвестно, сделал бы он это (или нет), если дожил <бы> до тридцати. Во-вторых, до тридцати ему оставалось ещё три с половиной года. Если к двадцати шести он успел столько сделать, то сколько бы ещё успел написать за оставшиеся до тридцати лет годы?

Н. М.: Да, конечно.

А. И.: И поэтому мне кажется, что его вполне допустимо сравнить с Лермонтовым, которому не дали закончить его путь в поэзии.

Н. М.: Пушкину разве дали закончить его путь в поэзии? Также нет.

А. И.: Всё-таки считается, что после тридцати пяти лет талант поэта – не прозаика! – начинает угасать... Правда, к Пушкину это трудно отнести – в его творчестве и после тридцати пяти заметен прогресс. Его стихи от года к году – и после тридцати – становились всё совершеннее и совершеннее. Что же касается Павла Васильева, мне кажется, нет ощущения по его стихам, что он

с каждым годом становится всё более зрелым, потому что написать такую поэму, как “Лето”, может только мастер, умудрённый жизнью.

Н. М.: Да, это изумительная поэма.

А. И.: Это написано мудрым уже...

Н. М.: Да. Причём очень сильным человеком, и именно мудрым... Прекрасная поэма.

А. И.: И вот поэтому мне кажется, что он ещё очень много успел бы, если бы не оборвали его жизнь...

Н. М.: Может быть, возможно.

А. И.: А кроме того, что его убили, сколько ещё было вычеркнуто из его жизни двумя предыдущими арестами и пребыванием в тюрьме... Вот почему я и считаю, что его возможности не исчерпаны полностью...

Н. М.: Безусловно.

А. И.: Я очень рад, что вы со мной согласны.

Н. М.: Да, очень много у него было творческого жара, пыла... Он любил труд, он к этому рвался, он как-то говорил: “Когда я ничего не делаю – тоска меня (берёт)”. Может, он от этого даже и пил...

А. И.: Ах, вот как! Значит, не всегда он мог писать и переживал, когда не мог?

Н. М.: Да, он жаловался на это раза два... Ну, не жаловался, а высказывался по этому поводу...

А. И.: Понятно. Это тоже очень интересно.

Н. М.: Мне кажется, для творчества у него были очень неподходящие условия – ведь он же был всё время на людях...

А. И.: То есть работал скорее вопреки своей жизни, чем благодаря ей?

Н. М.: Да. Из его жён я только одну видал, я не знаю только, какую, как её звали...

А. И.: Может быть, Галю?¹⁵

Н. М.: Не знаю. На Палихе она жила...

А. И.: А-а... Это Елена Александровна Вялова¹⁶.

Н. М.: Вот там я однажды как-то раз был у него. Зашли мы с Клюевым к нему... Она лежала на кровати, и он ругался с ней. И мы тут же ушли. Я не знаю, способствовали ли его жёны его творчеству?

А. И.: Обычно человек, если он повышенно энергичен, бывает вспыльчив... Люди, повышенно энергичные, обычно первыми идут в атаку на войне, или же из них формируют ударные части. Мне кажется, если бы он оказался на войне, он проявил бы себя как человек чрезвычайно отважный и даже герой...

Н. М.: Безусловно, он такой был. Не потому, что он хотел быть впереди всех, а просто потому, что раз он это исповедал, то он за это шёл.

А. И.: То есть такова была его сущность?

Н. М.: Да.

А. И.: Вот это мне было очень важно от вас услышать. То есть, вы считаете, что он пошёл <бы> в атаку первым не за орденом, а просто потому, что раз атака...

Н. М.: ...Раз атака, то надо идти, и я иду. И всё.

А. И.: Понятно. И он, конечно, не испугался бы пуль и смерти?

Н. М.: Нет.

А. И.: Мне было очень важно услышать это от вас, потому что вы – человек чрезвычайно наблюдательный, и, конечно, такая поведенческая деталь от вас не должна была ускользнуть. К этому я пришёл опять-таки умозрительно, и мне было важно подтверждение очевидца...

Н. М.: Да, он такой был человек... Убеждённый... А не то, чтобы покрасоваться, пофанфаронить – у него этого не было...

А. И.: А именно в этом его и обвиняют.

Н. М.: Нет... Напрасно.

А. И.: То есть, люди, которые его в этом обвиняют, слишком мелкие, чтобы понять такую мощную натуру...

Н. М.: Может быть, и так. Да, скорее всего так оно и есть. А может быть, просто из злобы, из зависти... Я не знаю толком окружения этих поэтов, где он вращался, с которыми он был... Он, безусловно, на голову выше их был, если не больше...

А. И.: Это, естественно, вызывало ярость...

Н. М.: Конечно, да. Зависть страшную...

А. И.: И то, что он был предан поэзии ради поэзии, а не ради рублей, должно было, конечно, вызвать ярость у тех, кто смотрел на стихи как на средство заработать.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Егоров М. Д. (1883–1956) – живописец.
- ² Дрёмов И. А. (1907–1998) – поэт.
- ³ См. П. Косенко. “На земле золотой и яростной: Повести-биографии: Ф. М. Достоевский. Антон Сорокин. Павел Васильев” (Алма-Ата, “Жазушы”, 1979).
- ⁴ “Выйдя покурить в соседнюю пустую комнату, он обнаружил спящего в корзине с тряпьем щенка, погладил его, взял на руки и, подойдя к открытому окну, бросил вниз” (А. Коваленков. “Письмо старому другу”. “Знамя” 1957, № 7).
- ⁵ Имеется в виду мемуарная книга Георгия Иванова “Петербургские зимы” (Париж, 1928).
- ⁶ Имеются в виду строки из поэмы Н. А. Клюева “Погорельщина”: “Разбиты писанные сани, // издох ретивый коренник, // и только ворон на заране, // ширяя клювом в мёртвой ране // гнусавый испускает крик!”
- ⁷ Скуратов М. М. (1903–1989) – поэт.
- ⁸ Смирнов П. А. (1831–1898) – русский предприниматель, “водочный король” России.
- ⁹ Головин Д. Д. (1894–1966) – оперный певец, лирико-драматический баритон, заслуженный артист РСФСР.
- ¹⁰ Забелин Е. И. (настоящее имя Леонид Савкин, 1905–1943) – поэт. Был арестован вместе с Николаем Ановым, Сергеем Марковым, Леонидом Мартыновым, Павлом Васильевым, Львом Черноморцевым по делу так называемой “Сибирской бригады” в 1932 году. В заключении написал стихотворение, начинающееся строчкой “Тюрьма, тюрьма, о камень камнем бей...” Полный текст неизвестен.
- ¹¹ Статья Максима Горького “О литературных забавах” была напечатана 14 июня 1934 года в “Правде”, “Известиях ВЦИК”, “Литературной газете” и “Литературном Ленинграде”.
- ¹² Садомов А. Н. (1884–1942) – оперный певец, солист Большого театра, Заслуженный артист РСФСР.
- ¹³ Туган-Барановский М. М. (1902–1986) был не белогвардейцем, а резидентом советской разведки, выполнявшим особые задания за границей. “Белогвардеец”, очевидно, – одна из легенд.
- ¹⁴ Тарасенков А. К. “Мнимый талант” (“Литературная газета” 15 октября 1936).
- ¹⁵ Анучина Г. Н. (1911–1968).
- ¹⁶ Вялова Елена Александровна родилась в 1909 году, умерла в 1989.

Предисловие и публикация С. И. Гронской

Примечания С. С. Куняева

.....
Нашему автору и другу, главному редактору нижегородского журнала “Вертикаль. XXI век” писателю Валерию Викторовичу Сдобнякову исполняется 60 лет. Сердечно поздравляем юбиляра!

Редакция